

Карамазова, исповедующегося Алеше: «И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же время вслед за чертом, но я все-таки и Твой сын, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть» (14, 98). Но любопытно, что Хагивара ни разу не упомянул о Дмитрие Карамазове. Для японского поэта-нехристианина гимн Дмитрия Богу заменился гимном самому Достоевскому.

Впоследствии, когда читателями было замечено, что в стихах второй половины сборника «Лает на луну» ощутимо иное настроение, чем в первой, поэт признал этот факт, объяснив причину этого влиянием Достоевского. Он сказал, что никто после Христа, кроме Достоевского, не создал столь благородной морали. Кроме Достоевского, никто в мире не создал такой полной чудес религии любви. Далее поэт заметил: «Только после прочтения романа „Братья Карамазовы“ я познал существо Бога и любви и уверовал в них. До этого же мое мировоззрение было мировоззрением атеиста, нигилиста или демониста».

После стихов «Одинокая личность» и «Незнакомая собачонка», где поэт признал одухотворяющее влияние на него Достоевского, изменились направление, мотивы и тон его поэзии. Прежние болезненные галлюцинации из нее исчезли. Доминантой его творчества стала тоска по душевному другу, по любви, а вместе с тем и отвращение к прежней своей личности, символизированной им в образе следующей за ним уродливой бедной собачонки.

И не случайно последнее место в сборнике стихов «Лает на луну» занимают посвященные Достоевскому стихи «Флейта», где основные символы — мальчик, отец и флейта. Их содержание таково: в кабинете отец сидит в глубокой задумчивости с расколотым сердцем. Змея обвилась вокруг его головы. У двери же стоит хворый мальчик. Ему захотелось иметь флейту. Взгляд мальчика остановился около тени головы отца. И вот — мальчик закричал, ибо как раз он увидел маленькую флейту. Сначала мальчик подумал, что это случайность или чудо. Но позднее понял, что оно сотворено отцом. Свои стихи поэт прокомментировал так: мальчик символизирует ищущее сердце; отец же является символом чувств человека, ищущего спасения у великого русского писателя. Чудо, сотворенное отцом, — символ чудесного, гармонического соотношения ищущего сердца и чувств и флейта — символ спасения.

В истории восприятия Достоевского в Японии его переживание Хагивара Сакутаро уникально, полно глубокого смысла. Недаром в Японии как литературный термин издавна употреблялось и ныне употребляется выражение: «переживание Достоевского» («Достоевский тай кэн»). Думается, что первым, кто воплотил это переживание во впечатляющие нас и сегодня стихи, был японский поэт Хагивара Сакутаро.

А. И. ДАРЕВСКИЙ

РАССКАЗ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЕЛКА И СВАДЬБА»
НА БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Тема «Достоевский на Востоке» исследована к настоящему времени еще недостаточно полно. Что же касается переводов и восприятия произведений Достоевского в Бирме (в 1989 г. страна была переименована в Союз Мьянма), то это область почти неизученная.¹ Не последняя причина тому — большая географическая и культурная дистанция между Россией и Бирмой и, как следствие, труднодоступность оригинальных материалов, почти полное их отсутствие в российских библиотеках. Поэтому каждый новый факт, говорящий о «присутствии» русского писателя в крупнейшей стране Индокитая, заслуживает тщательного внимания и рассмотрения.

Первое известное нам произведение Достоевского в Бирме² — переделка (национальная адаптация) рассказа «Елка и свадьба», выполненная в 1958 г. активным популяризатором русской литературы, переводчиком «Войны и мира» Толстого Мья Тан Тинном.³ Первые же переводы Достоевского, по данным указателя переводов, издаваемого ЮНЕСКО, приходятся в Бирме на 60-е гг.: «Преступление и наказание» По Та Чжи и Йе Со (1965), «Игрок» Сан Лвина (1968). Как свидетельствует «Словарь современной бирманской литературы» («Мьянма сапей абидан»), в 60-е гг. перевод «Преступления и наказания» был осуществлен также Джо Ауном и Нюн Чу — сотрудниками литературного журнала «Моу Вей» и переделка романа сделана писателем На Нве. Он же переложил на «бирманские нравы» «Белые ночи» (1962). Имеются сведения о переводе на бирманский язык и «Записок из Мертвого дома». В 1967 г. уже не переделка, а перевод рассказа «Елка и свадьба» вошел в сборник Тхун Тхун У «Известные всему миру рассказы старой России». Все эти переводы и адаптации делались через язык-посредник — английский, ввиду отсутствия в стране переводчиков с русского.

В 60-е гг. наблюдается рост переводов русской классической литературы, которая начинает проникать в Бирму после второй мировой войны и завоевания страной политической независимости от Англии в 1948 г. В это десятилетие публикуются переводы Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова,

¹ Этому вопросу посвящена лишь наша статья: Даревский А. И. «Дождливые белые ночи» На Нве: Повесть Достоевского в Бирме // Русская литература. 1991. № 2. С. 140—144.

² Интересно, что одним из первых переводов Ф. М. Достоевского в Китае был в 1920 г. также перевод рассказа «Елка и свадьба», озаглавленный «Равнодушие». См.: Шнейдер М. Е. Русская классика в Китае. М., 1977. С. 213.

³ Подробный анализ переделки, вышедшей под названием «День рождения и свадьба» (действие ее перенесено в современную Бирму), сделан Е. А. Запавовой, которая, отмечая в целом ее положительные стороны, приходит к выводу, что «из-за смягчения сатиры, прямолинейно выраженного авторского отношения, переделка становится проще, примитивнее „Елки и свадьбы“» (см.: Запавова Е. А. Роль переделок в современной бирманской литературе // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969. С. 154).

М. Ю. Лермонтова. Они были выполнены У Ба Вином, Тин Сейн Нге, Мья Тан Тинном, Бо Ей Мауном, Джо Ауном.⁴

В это время в литературной периодике изредка публикуются статьи и заметки о русской культуре. В журнале «Шумава», например, за март 1964 г. помещена статья «Россия и буддизм», написанная сотрудником журнала Маун То.⁵ Ему же принадлежит статья «Великий русский писатель Гоголь» в апрельском номере журнала за 1969 г., посвященная 160-летию со дня рождения писателя. В ней дана краткая биография Гоголя и перечислены основные его произведения.

Тогда же на страницах литературных журналов и газет появляются первые краткие сведения о жизни Достоевского и его произведениях. Так, благодаря критику Те Тоу, бирманскому читателю стало известно о содержании романа «Братья Карамазовы» и его героях. Статья, опубликованная в 1963 г. в газете «Хантавади» под рубрикой «Жизнь и литература», вошла в отдельный сборник 1966 г., где собраны все лучшие статьи критика о различных произведениях мировой классики, в том числе и русской.

К 150-летию со дня рождения Достоевского в 1971 г. в журнале «Моу Вей» появилась статья «Достоевский и его герои», написанная Тин Маун Мьином. В ней дана развернутая биография писателя, рассказывается о его родителях, годах учебы в Инженерном училище в Петербурге, политических увлечениях, знакомстве с петрашевцами. Наконец, подробно описана процедура «гражданской казни» Достоевского в числе двадцати одного приговоренного. Рассказывается о ссыльном периоде жизни писателя, его любви и браке с М. Д. Исаевой и втором браке писателя с А. Г. Сниткиной. Упоминается также об издававшемся Достоевским вместе с братом Михаилом журнале «Время», о долгах писателя, его страсти к игре. Приводятся лестные высказывания В. Г. Белинского о «Бедных людях», Сомерсета Моэма о «Преступлении и наказании», говорится о трудных взаимоотношениях Достоевского с Тургеневым и цитируются строки из известного письма Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову по поводу смерти Достоевского. В числе основных произведений названы романы «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Игрок», «Идиот» и перечислены их основные персонажи. Статья заканчивается следующими словами: «Несмотря на то что прошло 90 лет со дня смерти писателя, его герои близки читателям всей планеты и так же современны, как и раньше».⁶

Отметим, что эти сведения о русской литературе основывались, как правило, на английских и американских источниках.

В 1967 г. ранний рассказ Достоевского «Елка и свадьба» вошел, как уже говорилось, в сборник Тхун Тхун У. Псевдоним Тхун Тхун

⁴ См.: Запорова Е. А. Русская классика в Бирме // Русская классика в странах Востока. М., 1982. С. 236.

⁵ Маун То — псевдоним известного переводчика и литератора У Ауна То, много сделавшего для ознакомления бирманцев с культурой России.

⁶ Тин Маун Мьин (Йей Хан). Достоевский и его герои // Моу Вей (Рангун). 1971. № 3. С. 48—52. На бирм. яз.

У разгадать, к сожалению, не удалось: множество литературных имен у каждого писателя-бирманца, которыми он подписывает свои произведения в разных жанрах, значительно затрудняет работу любого исследователя культуры Бирмы. Можно лишь предположить, что Тхун Тхун У — псевдоним одного из упоминавшихся нами переводчиков русской литературы. Сборник «Известные всему миру рассказы старой России» вышел обычным для Бирмы тиражом в 3 тыс. экземпляров, один из которых находится во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы. Помимо Достоевского он включает также рассказ Горького «Страсти-мордасти» под названием «Мать и сын», рассказ Чехова «Хористка» под названием «Золотая принцесса», «Яму» Куприна, «Тамань» Лермонтова, рассказ Толстого «Корней Васильев» под названием «Хорошая жена», рассказ Бунина «Солнечный удар», озаглавленный «Безумная любовь», рассказ Лескова «Маленькая ошибка» под названием «Ошибка», рассказ Тургенева из «Записок охотника» «Уездный лекарь», рассказ И. Бабеля «Иисусов грех» под названием «Грех» и рассказ Леонида Андреева «Ложь». Название повести Куприна «Яма» сохранено без перевода и оставлено в транскрипции, и у бирманца может вызвать ассоциации лишь с именем Рамы — героя популярного в Бирме индийского эпоса «Рамаяна».

На обложке книги — группа всадников с обнаженными шашками и копьями и, крупным планом, бюст молодой женщины в шубе. На титульном листе — памятник Петру I (Медный всадник) и батальная сцена, напоминающая штурм Зимнего дворца. Все это, по замыслу художника-оформителя, должно, видимо, символизировать старую Россию.

В книге нет ни предисловия, ни комментариев, что для бирманского издания довольно характерно. Обращает на себя внимание несколько странная подборка авторов: от Достоевского до М. Горького и И. Бабеля, что, казалось бы, можно объяснить недостаточной компетентностью переводчика. Вместе с тем в сборнике «Русские рассказы», выпущенном англо-американским издательством «Бэнтэм-букс» в 1961 г.,⁷ встречаем аналогичную подборку от Пушкина и Достоевского до М. Зошенко. По всей вероятности, Тхун Тхун У взял для перевода уже готовый сборник на английском языке, возможно, упомянутого издательства.

Сюжет рассказа Достоевского следующий: герой оказывается на новогодней елке, где становится свидетелем унижения одним из гостей сына гувернантки и где решается судьба одиннадцатилетней девочки, а спустя пять лет — на свадьбе этой девочки с богатым женихом, бывшим гостем детского праздника.

Название рассказа в переводе изменено: он называется «Свадьба». Отсутствует и авторская ремарка перед текстом «Из записок неизвестного». Один из главных героев Юлиан Мастакович превратился в проство Мастаковича.

Цель перевода, как известно, состоит в адекватной передаче средствами одного языка того, что уже ранее выражено средствами

⁷ См.: Russian Stories. London; New York, 1961.

другого языка. Посмотрим с этой точки зрения, как бирманскому переводчику удалось справиться со своей задачей.

Сопоставление оригинала с его бирманской версией позволило выявить ряд отклонений от авторского текста: заменяются бытовые реалии, опускаются отдельные ремарки, имеют место сокращения, разбивка длинных предложений, перделки отдельных фраз. При этом пропусков в тексте нет.

Рассказ в оригинале начинается со слов: «На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про елку. Свадьба хороша; она мне очень понравилась, но другое происшествие лучше. Не знаю, каким образом, смотря на эту свадьбу, я вспомнил про эту елку» (2, 95). В переводе: «На днях я видел свадьбу. Но про свадьбу я рассказывать не стану. Лучше я расскажу о празднике омеги, во время которого на это маленькое дерево вешают подарки».⁸ Омелá — вечнозеленое растение, используемое для ритуальных целей, которое растет в Бирме. В другом месте через бирманскую реалию передается божественность красоты девочки: у Достоевского: «Но всех более обратила на себя внимание его сестра, девочка лет одиннадцати, прелестная, как амурчик, тихонькая, задумчивая, бледная, с большими задумчивыми глазами навывкате» (2, 96). В переводе: «На вечер была девочка, на которую все обращали внимание. Ей было лет одиннадцать. Ее блестящие глаза, фигура — все напоминало чудную картину, нарисованную натом».⁹ Наты, в представлении бирманцев, — духи, высшие существа, так что здесь, в известном смысле, можно говорить об адекватности передачи реалии. В стране ортодоксального буддизма, Бирме, религия пронизывает все стороны общественной жизни. Это сказывается и в переводе: так, восклицание «Боже мой!» заменяется на «О, Будда!». У Достоевского: «Взглянув внимательно на жениха, я вдруг узнал в нем Юлиана Мастаковича, которого не видел ровно пять лет. <...> Боже мой! Я стал протесняться скорее из церкви» (2, 101). В переводе: «Я внимательно посмотрел на жениха. Это был Мастакович. Невеста же... О, Будда!».¹⁰ Аналогичным образом церковь превратилась в буддийский монастырь, несмотря на то что в Бирме браки в монастырях не заключаются. В оригинале: «Недавно я проходил мимо ***ской церкви; толпа и съезд поразили меня. Кругом говорили о свадьбе. День был пасмурный, начиналась изморось; я пробрался за толпой в церковь и увидел жениха» (2, 100). В переводе: «Недавно, когда я проходил мимо буддийского монастыря, я увидел большую толпу народа. Вокруг меня все только и говорили о свадьбе. День был пасмурный, начался накрапывать дождь. Вместе со всеми я вошел в монастырь и увидел жениха».¹¹

Переводчик не справился с передачей слова «приданое», оно превратилось в «наследство», хотя понятие приданого в Бирме существует. Это можно объяснить уже только небрежностью создателя перевода. В оригинале: «Гости с уважением указывали на одного бо-

гатого откупщика, ее родителя, и кое-кто замечал шепотом, что за ней уже отложено на приданое триста тысяч рублей» (2, 96). В переводе: «Гости указывали на отца девочки, и было слышно, как они упоминали о большом ее наследстве».¹²

Примеры эти убеждают нас в том, что Тхун Тхун У не столько пытается адекватно передать текст, сколько упростить, «приблизить» оригинал к бирманской действительности, что роднит перевод с национальной адаптацией.

Не переданы также трудные для перевода слова, такие, как «нанка» (материя), прилагательные «плющовый» и «батистовый». В переводе опускаются и иноязычные выражения: итальянское *сop atope* (из любви) и латинское *plus ultra* (до крайних пределов). В некоторых местах чувствуется «буквализм» перевода с английского — языка-посредника.

В качестве же примера сокращений авторского текста можно привести следующий фрагмент: «Дети все были до невероятности милы и решительно не хотели походить на *больших*, несмотря на все увещания гувернанток и маменек. Они разобрали всю елку вмиг, до последней конфетки, и успели уже переломать половину игрушек, прежде чем узнали, кому какая назначена. Особенно хорош был один мальчик, черноглазый, в кудряшках, который все хотел меня застрелить из своего деревянного ружья» (2, 96). В переводе фраза звучит иначе: «Дети веселились, пользуясь разрешением своих матерей и опекунов. Один же черноглазый мальчик, который хотел выстрелить из игрушечного ружья, был особенно хорош».¹³ Таких примеров можно привести множество.

Встречаются и перделки некоторых фраз, например: «Я был человек песторонний; материй у меня не было никаких, и потому я провел вечер довольно независимо» (2, 95), в переводе: «У меня не было желаний общаться с кем-либо, и я проводил время как хотел».¹⁴ Или: «— Женат этот господин? — спросил я, почти вслух, одного из знакомых моих, стоявшего ближе всех к Юлиану Мастаковичу.

Юлиан Мастакович бросил на меня испытующий и злобный взгляд.

— Нет! — отвечал мне мой знакомый, огорченный до глубины сердца моею неловкостью, которую я сделал умышленно...» (2, 100), в переводе: «„Женат ли этот человек?“ — спросил я гостя, стоявшего рядом с Мастаковичем. Мастакович косо на меня посмотрел. „Нет“, — отвечал мой приятель, явно недовольный моим вопросом».¹⁵

Характерна в бирманском тексте разбивка предложений. Фраза Достоевского: «Лицо приглашавшее было одно известное деловое лицо, со связями, с знакомством, с интригами, так что можно было подумать, что детский бал этот был предлогом для родителей сойтись в кучу и потолковать об иных интересных материях невинным, случайным, нечаянным образом» (2, 95) — в переводе разбивается: «Че-

⁸ Тхун Тхун У. Известные всему миру рассказы старой России. Рангун, 1967. С. 230. На бирм. яз. Здесь и далее перевод мой. — А. Д.

⁹ Там же. С. 233.

¹⁰ Там же. С. 241.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 243.

¹³ Там же. С. 233.

¹⁴ Там же. С. 231.

¹⁵ Там же. С. 243.

ловец, пригласивший меня, был известным торговцем. Имел много связей. Был преисполнен собственного достоинства. По-видимому, он считал, что детская вечеринка — подходящее место для того, чтобы встретиться и поговорить».¹⁶ Другой пример: «Я после узнал, что это один господин из провинции, у которого было какое-то решительное, головоломное дело в столице, который привез нашему хозяину рекомендательное письмо, которому хозяин наш покровительствовал не соп атоге и которого пригласил из учтивости на свой детский бал» (2, 95), в переводе: «Я узнал, что он приехал из провинции в этот город по одному делу. У него имелось рекомендательное письмо. И только поэтому его пригласили на вечеринку».¹⁷

Таким образом, приведенные примеры говорят о том, что перед нами не адекватный, наиболее верно и полно воспроизводящий оригинал, но, скорес, достаточно вольный перевод с заменой реалий, с явным тяготением к национальной адаптации. Вместе с тем в нем, как и в подлиннике, отчетливо звучит тема социального неравенства, сочувствие к обделенному ребенку. Как представляется, рассказ «Елка и свадьба» мог в какой-то степени оказаться созвучным бирманской действительности 60-х гг. с ее социальными контрастами (в 1962 г. к власти пришли военные, провозгласившие социалистическую программу развития страны) и состоянию национальной прозы, переживающей период становления реалистического метода.¹⁸

Пример с рассказом «Елка и свадьба» свидетельствует и об отсутствии пока в бирманской литературе тенденции к художественному переводу, который бы передавал не только смысл, но и форму, стиль оригинала и национальную среду, как это понимается в западноевропейском литературоведении.

В целом же рассмотрение доступных нам текстов и сведения о переводах позволяют сделать вывод о том, что Достоевский привлекал внимание бирманских литераторов в 60-е гг., пожалуй, не как тонкий психолог, а прежде всего как писатель-лирик (перделка «Белых ночей»¹⁹ и как писатель, поднимающий в своем творчестве острые социальные проблемы («Елка и свадьба», «Преступление и наказание», «Записки из Мертвого дома»); привлекал тесной связью произведений с жизнью, реализмом, но сложные нравственно-психологические проблемы оставались как бы в стороне. Критическая литература, посвященная Достоевскому, пусть небольшая по объему, переводы Мья Тана, На Нве, Тхун Тхун У, По Та Чжи, Йе Со, Сан Лвина, Джо Ауна, Нюн Чу, которые обращались к его творчеству, показывают, что русский писатель становится частью общелитературной жизни Бирмы в 60-е гг. Несомненно, более полное понимание и восприятие Достоевского — дело недалекого будущего.

¹⁶ Там же. С. 231.

¹⁷ Там же. С. 232.

¹⁸ См.: Запорова Е. А. Бирманская проза XX века. М., 1992. С. 184—252.

¹⁹ См.: Даревский А. И. «Дождливые белые ночи» На Нве. С. 143.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА ФРИДЛЕНДЕРА

22 декабря 1995 г. на 81-м году жизни после тяжелой непродолжительной болезни скончался академик Георгий Михайлович Фридендер. Потеря эта невосполнима для нашей науки и культуры, самоотверженному служению которым он посвятил свою жизнь.

Г. М. Фридендер был выдающимся ученым-гуманитарием мирового масштаба, огромной эрудиции и широких научных интересов. Он автор многочисленных работ по истории русской и западноевропейских литератур XVIII—XX вв., сравнительному литературоведению, теории и методологии литературы, эстетике, философии, социологии. Однако главным научным призванием Г. М. Фридендера была русская литература XIX—начала XX в. Его первые работы появились в печати в 1936 г. и сразу обратили на себя внимание научной и общественной мысли. Научная деятельность Г. М. Фридендера, прерванная в 1942 г. заключением его в систему Севжсладорлага (из-за немецкого происхождения деда), возобновилась лишь через 4 года. Сотрудником Пушкинского Дома Г. М. Фридендер стал в 1955 г. Четыре десятилетия работы в Институте он был инициатором, главным редактором и участником многих коллективных изданий. Его книги «Поэтика русского реализма» (1971), «Литература в движении времени» (1983), многочисленные статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе и других классиках русской литературы дали в 60-х—начале 1980-х гг. существенный импульс развитию нашей историко-литературной и педагогической мысли. Поистине бесценны заслуги Г. М. Фридендера в области изучения Ф. М. Достоевского. По инициативе, при непосредственном участии и под руководством Г. М. Фридендера группой Достоевского, организованной им в конце 60-х гг., в Пушкинском Доме был осуществ-

